

Роза Хуснутдинова

два
рассказа

56

Очарование погожего дня

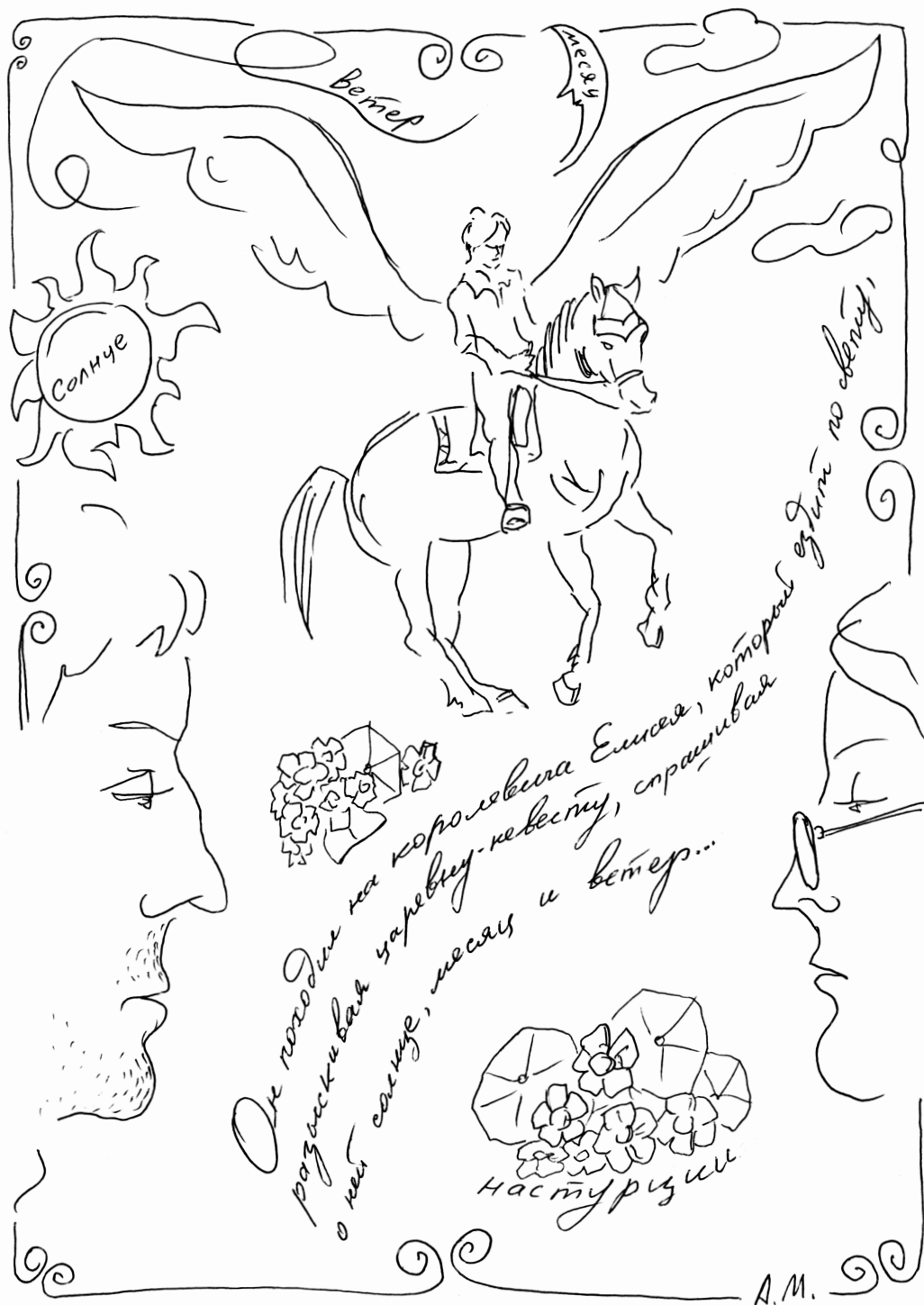
ВРЕМЯ близилось к десяти утра. Синева неба становилась всё ярче, гуще, белые кружевные облака медленно скользили по небу, то рассеиваясь, растворяясь в этой синеве, то вновь возникая и сплетаясь в новые тонкие кружева. Гул города, шум машин, проезжающих по проспекту за двойной линией домов, стал ровным, непрерывным.

В тенистом дворе под кронами пышных деревьев было прохладно, свежо. Земля, ещё не просохшая после ночной грозы, источала влагу, приятно подувал утренний ветерок.

В тени деревьев на скамейках, расставленных вокруг выкрашенной в яркие цвета детской площадки, сидели старушки из ближайших подъездов, вышедшие из душных квартир подышать свежим утренним воздухом. Звонко чирикали воробы, любопытная ворона медленно прохаживалась вдоль мусорного бака, поглядывая на апельсиновые корки и обёртки от конфет, валявшиеся на земле, но так и не прельстившись ими, взлетела на крышу игрушечного домика на площадке и каркнула, нарушив тишину. На клумбах по краям площадки пылали оранжевые настурции, едва уловимо пахло сосной – среди посаженных лет десять назад во дворе клёнов и лип была и сосна.

Скрипнула ржавая дверь, и из ближайшего подъезда во двор вышла молодая женщина с коляской, в которой сидел малыш с забинтованной ножкой. Женщина была бледная, востроносенькая, в коротком голубом сарафанчике, пугливо поглядывала вокруг себя сквозь круглые очки. Она провезла коляску до пустой скамейки под дубом, уселась и замерла, уставившись на клумбу с настурциями. Постепенно пугливое выражение её лица стало более спокойным.

Из-за угла облупившейся серой пятиэтажки во двор нетвёрдой походкой вышел мужчина лет 35-ти с полиэтиленовым мешком в руке. Мужчина был небрит, с всклокоченными волосами, одет в мятые брюки и вылинявшую клетчатую рубашку. Он медленно прошёлся по двору, изредка останавливаясь и подбирая с земли пустые бутылки из-под воды, пива, опуская их в мешок. Вот заметил торчащий из мусорного бака детский зонтик розового цвета, зачем-то вытащил и его, сунул в мешок. Мужчина дошагал до пустой скамейки в углу площадки, уселся, вынул из кармана банку пива, отпил немного, а затем замер, уставившись на клумбу с настурциями. Поднял голову, взглянул на небо, синее, бездонное, с кружевными облаками, на пышную крону деревьев, окружающих

двор, увидел женщину с коляской, в которой сидел мальчик.

Что-то дрогнуло в лице мужчины, он зажмурился, опустил голову, вытянул из мешка розовый зонтик и устоял на него в некоем горестном размышлении.

Из двери следующего подъезда появился кот-красавец с голубыми светящимися глазами, с туловищем палевого цвета, с коричневой головкой и коричневыми лапками. Грациозно изгибаясь при ходьбе, поводя направо-налево изящной головкой, осторожно перебирая лапками, этот сиамский породистый кот сделал несколько шагов по влажной земле и остановился. Поднял голову, взглянул на небо, ярко-синее, бездонное, почти южное, с тонкой кисеей облаков, на глянцевую листву деревьев, окружающих двор, на клумбу с оранжевыми настурциями, увидел женщину с коляской и малыша. На мгновение замер, встретившись взглядом с ребёнком, некое ослепительное видение возникло в кошачьем мозгу.

Но вернёмся к женщине. Взгляд её, устремлённый в небо, становился всё более безмятежным, мечтательным, некое подобие улыбки появилось на нём.

Люся – так звали эту женщину – увидела перед собой ясный, солнечный день, такой же, как сейчас, с таким же синим бездонным небом и кружевными облаками, похожими на тонкую кисею. Одиннадцатилетней девочкой шегала она вместе с мамой и папой по пустынной просёлочной дороге, неся в руке корзинку с ягодами. Семья направлялась в райцентр, на базар, чтобы продать коромысла, липовые ложки, вырезанные отцом, и землянику, мать набрала её с целое ведро, выйдя спозаранку в лес.

Все трое приблизились к ельнику с торчащими в небо острыми пиками высоких елей, дальше дорога шла через лес. И вдруг из этого дремучего тёмного леса выехал всадник на рыжем коне. Люся даже зажмурилась – так он был хорош! Он походил на королевича Елисея, который ездит по свету, разыскивая царевну-невесту, спрашивая о ней солнце, месяц и ветер, Люся в это лето как раз читала сказку Пушкина о мёрт-

вой царевне и семи богатырях. Всадник походил и на артиста Вячеслава Тихонова, играющего Андрея Болконского в фильме «Война и мир», Люся запомнила, как замечательно танцевал Болконский на балу с Наташей Ростовской. Походил всадник и на графа Монте-Кристо из французского кинофильма, такой он был мужественный, красивый, смелый.

– Лесничий новый, – сказал папа, кивая на появившегося из леса всадника.

А тот подъехал ближе, поздоровался со всеми, посмотрел на Люсю, на корзинку в её руке и засмеялся: «Не в моём ли лесу ягод набрала, красавица? Ну что ж, тебе можно, вот тебе мой подарок!»

И кинул в корзинку Люси свистульку, вырезанную из ивового прутика.

Люся потом долго хранила эту свистульку, иногда доставала из тайника, когда никого не было дома, тихонько дула в неё, раздавались мелодичный звуки, уносящие сердце куда-то вдаль... Уж если и была в кого влюблена Люся, то именно в этого всадника на рыжем коне, больше ни в кого.

Скоро семья Люси переехала в посёлок, отец устроился на автобазу грузчиком, через полгода попал в аварию и умер в районной больнице. Мать стала раздражительной, крикливой, попивала в одиночку. Люся не чаяла, когда уедет из дома, чтобы поступить в какой-нибудь техникум. Ей хотелось стать медсестрой, воспитательницей, учительницей. Но поступить в техникум в городе ей не удалось, возвращаться к матери не хотела. Попыталась устроиться на работу. Когда без рубля в кармане слонялась по городскому рынку, спрашивая у всех подряд, не нужна ли кому помощница, работница, её увидела и позвала к себе в дом жена начальника рынка.

Люся поселилась в просторном доме, чистила, убирала, готовила обед, присматривала за годовалым Костиком, сыном хозяев. За это хозяйка кормила её, подарила ситцевое платье и платок. Но, глядя на Люсю, особенно в присутствии мужа, частенько жалостливо говорила: «До чего же ты тоща, Людмила, до чего нескладна, прямо смотреть не на

что!» Однако муж хозяйки, видимо, всё же углядел что-то в молчаливой, безропотно выполнявшей всю работу по дому Люсе. И как-то, когда жены, пышной Тамары, не было дома, подступился к девушке, обхватил её широкими ручищами-лопатами и поволок к дивану. Люся в ужасе отбивалась молча руками и ногами, но потом обессилела, перестала драться. Долго отмывалась в ванне, ожесточённо тёрла себя мочалкой с мылом, вышла из ванной лишь тогда, когда услышала голос вернувшейся в дом Тамары. Через день хозяин снова застал Люсю в доме одну, стал подступаться к ней, приговаривая: «Какое колечко я тебе купил, иди-ка, погляди!» Люся схватила кухонный нож, которым собиралась резать лук, занесла над головой, крикнула низким голосом: «Не подходите!» Хозяин отступился, ворча, что некоторые не понимают своего счастья, не хотят ходить в шёлковых комбинациях, шёлковых платьях, не хотят иметь серебряных, золотых колечек, ну что ж, дур на свете много.

Через месяц Люсю стало тошнить от еды, от вида хозяев, от запахов этой ненавистной квартиры. Тамара всё поняла, злобно закричала, что, вот, думала, взяла в дом бедную деревенскую девочку, хотела помочь ей устроить свою жизнь, а оказалось – гулящая. Тамара выгнала Люсю из дома, заплатив лишь половину обещанных денег. С узелком в руках Люся просидела полдня на городской скамейке в каком-то сквере, не зная, куда податься, к матери возвращаться она не хотела.

– Ты не Емелиной Кати дочь? – вдруг остановилась возле неё женщина с тяжёлой сумкой в руке.

Люся кивнула.

– Я смотрю, похожа ты на неё, – продолжала, вздыхая, женщина. – А я Нюра, подруга её, мы с ней вместе на курсах кройки и шитья учились... Да что с тобой? На тебе лица нет! Пойдём-ка ко мне, поможешь мне сумку донести. Вот, купила картошки, семь кило, а донести не могу...

Так Люся оказалась в доме Нюры, жалостливой сердечной женщины, ко-

торая жила одна. Нюра отвела Люсю в женскую консультацию, заботилась о ней, пока Люся ждала ребёнка, кормила из своих скудных пенсионных. Когда мальчик родился, устроила его в ясли, потом в детский садик, помогла Люсе устроиться подавальщицей в открывшуюся неподалёку закусочную, которой владели приехавшие из Средней Азии турки. Но в детском садике за Павликом (так назвала сына Люся) не доглядели, ушибся ножкой о железную трубу во время ремонта детского сада, ножку мазали мазями, лечили по-всякому – не помогло. Павлик перестал ходить, теперь Люся возила его на прогулку в коляске, одолженной у соседей. Люся стала пугливой, нервной, по ночам плакала. Но сегодня, в это летнее погожее утро, глядя на синее бездонное небо с кружевными лёгкими облаками, на пышные деревья, напоминающие лес, на яркие цветы клумбы, она вдруг вспомнила давний солнечный день, как шла вместе с мамой и папой по просёлочной дороге, как из лесу выехал всадник на рыжем коне и ласково спросил её: «Не в моём ли лесу ягод набрала, красавица? Что ж, тебе можно. Вот тебе мой подарок!» И кинул ей в корзинку свистульку.

Мужчина, сидевший во дворе на скамейке, разглядывая грязный розовый зонтик, вынутый из мусорного бака, вспоминал свою дочь Виолетту. Как он ходил с ней, пятилетней тогда девочкой, в магазин «Детский мир» покупать подарок ко дню рождения. Как она долго выбирала зонтик, то ей нравился жёлтый в белых ромашках, то белый в синих васильках, но наконец она выбрала розовый, в красную крапинку, подняла над головой и радостно закричала: «Пап, смотри, я настоящая принцесса!» И обняла его за шею своими тонкими в пупырышках ручками. Да, Виолетта тогда любила его! И жена Оксана, «смуглянка-молдаванка», любила!

И всё было хорошо в их крошечной квартирке с тюлевыми занавесками на окнах на первом этаже ведомственного кирпичного дома от шинного завода, на котором он тогда работал. А потом вдруг завод объявили «неконкуренто-

способным», работников поувольняли, квартиру отобрали, пришлось жить у Оксаниной родни. Он нашёл тогда другую работу, слесарем-монтажником, но там почему-то задерживали зарплату, не платили по два-три месяца кряду. Тогда перешёл работать охранником на пивзавод. Но как-то на работе его угостили пивом свои же, знакомые ребята, он выпил с ними несколько бутылок и заснул, а ночью с территории завода угнали целый грузовик с лучшим, качественным пивом. Его сняли с работы, чуть не отдали под суд, даже обвиняли, что он был в сговоре с этими жуликами. Так остался без работы, подрабатывал теперь от случая к случаю, то грузчиком в овощном магазине, то на вокзале носильщиком. Потом случилась эта история с медсестрой. Как-то он возвращался с Виолеттой из детского сада, и вдруг из-за угла показалась огромная овчарка жуткого вида – ну, прямо собака Баскервилей! Он представил себе, как она сейчас нападёт на Виолетту, и, не раздумывая ни секунды, с дикими криками, размахивая кулаками, бросился на собаку. Оба покатались по земле, он рычал, собака лаяла, Виолетта кричала, стоя в сторонке, пока появившийся из-за угла хозяин овчарки не растащил их. «Пап, зачем ты напал на эту собаку, она же нас не кусала?» – удивлялась потом Виолетта. «Дочь, я подумал, вдруг она нападёт на тебя, я же очень люблю мою принцессу!» – отвечал он. «Пап, ты такой смелый!» – восхищалась тогда Виолетта. Но всё же в схватке с овчаркой он был искусан, пришлось идти в медпункт, делать уколы от бешенства.

Медсестра Таня, делавшая ему уколы, как-то угостила его спиртом из своего заветного шкафчика в кабинете, в благодарность он пошёл провожать её домой, ну и как-то так получилось, что у Тани и заночевал. Гордая «смуглянка-молдаванка» Оксана на другой же день выгнала его из дома, не пускала больше в квартиру, не открывала дверь. Однажды, когда он пришёл ночью, стучался, звонил, звал дочь, Оксана даже вызвала милицию. Наконец жена подала на

развод, их развели, Виолетту теперь он не видел. Жил у своей дальней родственницы, одинокой старухи, которая, хоть и ругала его, но всё же из квартиры не выгоняла, даже кормила своей диетической кашей из геркулеса, которую много не съешь. «Как же так случилось, Руслан, – говорила ему каждый вечер эта пожилая родственница, в прошлом учительница – как это ты из симпатичного молодого человека с техническим образованием, с дипломом, всё растерял: и семью, и работу, опустился, одичал, надо взять себя в руки, надо собраться с силами, Руслан!»

Он и сам понимал, что одичал. До чего дошло: по дворам ходит, бутылки пустые собирает, скоро в мусорных баках копать начнёт, еду искать. Да, надо подняться, выпрямиться, найти в себе силы, ведь не зря так ярко светит это солнце, не зря так синее летнее небо, да ещё этот розовый зонтик, напомнивший ему Виолетту...

Теперь вернёмся к сиамскому коту. Мы говорили, что при взгляде на малыша в коляске в кошачьем мозгу внезапно возникло ослепительное видение. Дело в том, что этот взгляд показался сиамскому коту очень твёрдым, повелительным. И на мгновение кот, обладатель длинной родословной, потомок священных сиамских котов, проживавших некогда в Королевском дворце в Сиаме среди роскоши и блеска, почувствовал, что находится не в этом ничем не примечательном городском дворе, окружённом одинаковыми, из серого кирпича домами с проржавевшими балконами и грязными подъездами, не среди этих зевающих от недостатка кислорода старушек в ситцевых халатах и тапочках на босу ногу, не рядом с этим неряшливым мужчиной, от которого пахнет чем-то кислым, не рядом с этой бледной испуганной женщиной в коротком сарафане, с коляской, в которой сидит её бледный ребёнок... Нет, под твёрдым повелительным взглядом малыша кот почувствовал, что находится сейчас в Королевском дворце, в Сиаме, у золотого трона, на котором восседает наследный принц, одетый в

расшитую золотом и драгоценностями одежду, идёт торжественная церемония вступления принца на престол, гремят барабаны, визжат флейты, недвижно стоят смуглые гвардейцы в шитых золотом мундирах, а он, любимец принца, священный сиамский кот Прем-Чайя Семнадцатый, должен сейчас подползти по мягкому ковру к золотому трону и коснуться лбом сандалии принца с сапфировой пряжкой, должен произнести на своём кошачьем языке ритуальную фразу: «Да здравствует Король Сиама!» Только тогда вступление принца на престол будет законным.

И кот, припав на задние лапы, медленно пополз по влажной дворовой земле к коляске, в которой сидел мальчик с забинтованной ногой.

В этот момент Люся очнулась. И увидела, что к коляске, к её сыну ползёт по земле неизвестный хищный кот с ярко-синими горящими глазами, видимо, готовясь к нападению.

Люся вскинула обе руки вверх и тоненько, жалобно вскрикнула.

– Помогите! Помогите!

Руслан, сидевший в горестном размышлении, глядя на розовый зонтик, напомнивший ему Виолетту, услышав этот крик, вскинул голову и увидел испуганное лицо молодой женщины, освещённое утренним солнцем. И увидел кота, хищно крадущегося по траве к беззащитному ребёнку. Вспомнил овчарку, «собаку Баскервилей», некогда чуть не напавшую на его дочь Виолетту. Руслан вскочил со скамейки и с диким криком бросился к коту. В три прыжка добежал до него и упал на землю, раскинув руки, пытаясь поймать, подмять под себя этого коварного зверя. Но упал мимо, не дотянувшись до кота, расшиб себе руки, локти и подбородок. Но прыжок его был так великолепен, так безрассуден, глаза Руслана горели таким священным огнём отца, рыцаря, защитника, героя, что Люся невольно восхитилась, ей показалось, что этот незнакомый мужчина похож на великолепного терминатора

из известного американского фильма. И на Сергея Безрукова, защищающего семью от врагов в фильме «Бригада». И на Монте-Кристо, недавно показывали этот фильм по телевизору, только уже с другим актёром, не с Жаном Маре. Немного походил мужчина и на всадника на рыжем коне из далёкого детства.

И тут заплакал мальчик.

Кот остановился. Он увидел, что перед ним не наследный принц с повелительным взглядом в расшитой золотом одежде, а бледный испуганный мальчик с забинтованной ногой, сидящий в пыльном городском дворе. Да ещё этот смешной мужчина, дико закричавший, упавший на землю неподалёку от него... Чего он хотел? Глупый человек! И кот поднялся на все свои четыре лапы, медленно повернулся и затрусил в соседний двор, к клумбе с маргаритками.

– Спасибо! – прошептала Люся, помогая подняться с земли Руслану.

Тот смущённо отряхнулся, бормоча:

– Не за что!

Ребёнок перестал плакать.

– Погода-то какая! – вздохнул Руслан, приглаживая растрепавшиеся волосы. – Извините, не успел побриться... Погожий, говорю, денёк.

– Да, погода летняя, – ответила Люся.

– Руслан, – поклонился мужчина, тыча себя пальцем в грудь.

– Людмила, – ответила женщина.

На её лице появилась слабая улыбка. Улыбка ожидания каких-то перемен в жизни, быть может, даже счастья. Исходящих от этого утра, ведь оно казалось таким прекрасным! От этого лета, которое ещё не кончилось, оно ещё будет длиться месяц. И от этого мужчины, такого смешного на вид, но который так бесстрашно, мужественно, смело кинулся на защиту её сына. Как Тихонов-Болконский из кинофильма «Война и мир», как артист Евгений Миронов в сериале «Идиот». Как всадник на рыжем коне, выехавший из тёмного леса в поисках царевны-невесты...